

УДК [94+323.1](47+57)|1991/2000|

Распад СССР и создание новой системы межэтнических отношений в Российской Федерации в 1990-е годы

А. П. Мякшев

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, myakshev@mail.ru

В статье анализируется специфика межэтнических отношений в России после распада СССР в 1990-е гг. Исследуется процесс институционализации национальной политики РФ. Рассматриваются основные направления реформирования «асимметричной федерации». Изучается вопрос о формировании гражданской нации «российский народ».

Ключевые слова: национальные элиты, межэтнические отношения, национальная политика, асимметричная федерация, гражданская нация, национализм, этноконфликты.

The Collapse of the USSR and the Creation of a New System of Interethnic Relations in the Russian Federation in the 1990s

A. P. Myakshev

Anatoly P. Myakshev, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, myakshev@mail.ru

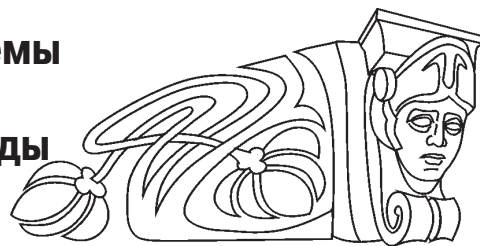
The article analyzes the specifics of interethnic relations in Russia after the collapse of the USSR in the 1990s. The process of institutionalization of the national policy of the Russian Federation is investigated. The main directions of reforming the «Asymmetric Federation» are considered. The question of formation of the civil nation «the Russian people» is studied.

Keywords: national elites, interethnic relations, national policy, asymmetric federation, civil nation, nationalism, ethnic conflicts.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-27-33>

Распаду СССР, сущности и специфике механизма взаимодействия власти и этносов, нарастанию кризиса межэтнического доверия, причинах краха советской системы межнациональных отношений автор посвятил большинство своих научных трудов¹.

Одной из причин написания данной статьи явилось сильное разочарование от нереализованной возможности построения глубоко научной, отвечающей в полной мере интересам всех проживающих в России этносов новой, кардинально отличающейся от советской, модели межэтнических отношений в полиэтничной стране. Целью настоящей публикации является анализ инноваций в сфере управления этноконфессиональной областью социальных отношений в России

1990-х гг., а также попытка ответить на вопрос: почему, в конечном счете, возникшая в результате драматических, зачастую трагических, событий новая система межэтнических отношений в основных своих чертах повторила старую, советскую модель?

Дезинтеграционные процессы, приведшие к распаду СССР и образованию 15 независимых государств на ставшей к тому времени бывшей его территории, имели среди прочего и своеобразное объяснение в сфере межнациональных отношений: конструировать новое цивилизационное пространство предлагалось исключительно на этнических принципах. Государственный суверенитет мыслился как самоопределение наций либо как решающий этап нациестроительства. Примечательно в связи с этим откровение М. Ш. Шаймиева, которым он поделился спустя 20 лет после провозглашения независимости Татарстана. «Все началось, – вспоминал Шаймиев, – с того, что 6 августа 1990 года Председатель Верховного Совета Российской Федерации, тогда еще не Президент, Борис Николаевич Ельцин приехал в Татарстан». Отмечая, что «без Ельцина невозможны были бы все эти процессы», первый президент Республики Татарстан утверждал, что «те знаменитые слова он сказал не для эффекта»: «Мы тогда весь день без обеда ходили. Вечером уже в УНИКСе встречались с общественностью, это была не организованная публика. Вот тогда он и сказал: «Берите суверенитета столько, сколько сможете освоить»². Менее известным стало другое откровенное высказывание российского лидера, явно не сомневавшегося к тому времени в политическом эффекте всех своих проектов и рекомендаций: «Во время встречи в Союзе писателей с интеллигенцией ему задали вопрос: «Борис Николаевич, если бы Вы были татарин, что бы Вы делали?». Он тогда сказал: «Я бы боролся за самостоятельность Татарстана»³. Безусловно, национальные элиты, раскалывающие и дробящие советское государственное пространство, в сепаратизме видели главное и самое грозное оружие в процессе конвертации власти в собственность.

Логичным и закономерным представляется в связи с этим развернувшийся в 1990-е гг. на постсоветском пространстве процесс трансформации советской модели межнационального взаимодействия в систему межгосударственных отношений по типу Европейского Союза. В распадавшемся СССР подобные настроения превалировали. К

примеру, председатель Совета Республик, правопреемник Совета Национальностей Верховного Совета СССР, А. Т. Алимжанов полагал незадолго до Беловежского соглашения: «Каждый из нас представляет свои суверенные государства, свои республики, защищает интересы. Мы хотим выйти за рамки этих интересов и защищаем или обосновываем интересы будущего содружества. Это будет или конфедерация, или сообщество государств»⁴. А. А. Собчак, рассуждая о будущем распадающегося Союза, был более прямолинеен и откровенен: «Будущему сообществу потребуются представительный орган по типу Европарламента»⁵.

Деятельность в 1990-е гг. СНГ, призванного, по мысли его создателей, сохранить существующие экономические связи и актуализировать интеграционные перспективы, однако, не стало свидетельством устремленности получивших власть в республиках элит титульных этносов к построению общественной модели на принципах межэтнического доверия, равноправия и солидарности. Наоборот, национальные элиты, рекрутированные в основном из старой партгосноменклатуры и частично из представителей национальной интеллигенции, сразу же принялись наполнять и укреплять обрушившийся на большинство из них неожиданно и стремительно суверенитет реальным содержанием. При этом приоритетное значение на всем постсоветском пространстве, кроме, пожалуй, русских областей России, сразу же приобрели процессы этнической мобилизации и поляризации. Ряд исследователей при этом сразу же отметили, что немаловажным аргументом «выяснения отношений» в борьбе за социальные приоритеты для своей национальности стало соотношение численности титульного и нетитульного населения в каждой отдельно взятой республике⁶.

Собственно, феномен СНГ в 1990-е доказывал очевидное: Советский Союз не исчерпал интеграционный потенциал, национальные элиты в своих эгоистических устремлениях трансформировали советскую интегрирующую идеологию в откровенные этнократические конструкции. Определяющим фактором этнонационального самоопределения на постсоветском пространстве стала политическая целесообразность в ущерб правовым подходам. «При этом, расставаясь с СССР, новые независимые государства явно не желали отказываться от такого наследия «империи Кремля», как проведенное ею территориальное размежевание и доставшиеся в наследство от «проклятого прошлого» границы. Получался парадокс: власти и влияния Москвы новые образования не желали, а «построенную» с помощью союзного центра территорию были готовы принять, но без выработки принципиально новых (не советских и не имперских) механизмов обеспечения целостности и национального единства»⁷.

Формирование новых государственных образований и политических наций на территории распавшегося СССР происходило вопреки

утвердившемуся в историографии мнению не мирным, а конфликтным, зачастую – кровавым, путем. На наш взгляд, сравнение с «югославским сценарием» может считаться корректным и уместным. По данным Центра этнополитических исследований, на начало 1993 г. на территории постсоветского пространства было зафиксировано 153 очага этнической напряженности и конфликта: в России – 71, в Закавказье – 23, на Украине – 17 (в том числе попытка создания Донецко-Криворожской республики), в Средней Азии – 16, в Казахстане – 8, в Прибалтике – 8, в Молдове – 7, в Беларуси – 3⁸. Этнополитические конфликты в Молдавии, Грузии, Азербайджане, России способствовали разобщению СНГ и дезинтеграции постсоветского пространства и в конечном счете привели к появлению непризнанных государств – Приднестровью, Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха, Ичкерии (1996–1999). Представляется, что конфликты между кланами и региональными элитами на Украине, в Киргизии, Таджикистане неуклонно приводили к тем же последствиям.

Следует признать, что национальные элиты большинства входивших в СНГ стран показали свое нежелание и полную неспособность к урегулированию межэтнических конфликтов собственными силами. Отсутствие подобных механизмов продемонстрировало и само Содружество Независимых Государств, что, собственно, демонстрирует несостоятельность позиции, согласно которой СНГ является «неоимперским пространством»⁹. Межэтнические конфликты в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Карабахе, в Таджикистане были «купированы» силами российской армии и усилиями российской дипломатии.

Внутренняя нестабильность и межэтнические конфликты привели к массовой эмиграции русской и русскоязычной части населения из большинства стран Содружества в Россию и послужили основным мотивом к не менее массовой трудовой миграции молдаван, украинцев, таджиков, узбеков преимущественно в Россию. За 1990-е гг. из 25-миллионной русской диаспоры в Россию переместились около 5 млн чел.

Таким образом, распад единого государства повлек за собой и разрушение советского народа как новой исторической общности (В. А. Тишков признает как факт наличия «общесоветской идентичности», так и реальность феномена «советский народ», «фактически существовавшей гражданской нации»¹⁰), который, «несмотря на свою противоречивость и незавершенность», обладал «признаками, позволявшими рассматривать его как уникальную общность, не имеющую аналогов в мировой истории»¹¹. Идеологию советского патриотизма и доктрину единого советского народа в возникших на постсоветских просторах республиках в 1990-е гг. заменил этнический национализм, а концепцию «гражданской нации» вытеснило (точнее, не дало

родиться) понятие «этнонация». В. А. Тишков прямо указывает, что этнонационализм в постсоветских государствах, «особенно от имени так называемых титульных наций», служит «средством политической мобилизации, обеспечения приоритетного доступа к власти и ресурсам»¹².

Пришедшие к власти в России элиты (в основном переродившаяся партгосноменклатура, маркером которой как раз и стал отказ от советских ценностей: советского патриотизма, социальной справедливости, межэтнического доверия, коллективизма и т. д.) оказались в крайне сложном, с точки зрения общественных и идеологических приоритетов, положении. Поддерживать сепаратизм прошедших стадию мобилизации элит национальных республик стало невозможно по простой причине – оружие, эффективно примененное «новой-старой» российской элитой в борьбе с советским Центром, грозило быть повернутым против нее самой. Обещания предоставить титульным этносам максимум суверенитета (под способностью «переварить» обещанный суверенитет прозрачно просматривался вероятный сценарий выхода из состава России «самостоятельно» поднявших свой статус до уровня союзных бывших российских автономных республик) натолкнулись на суровую реальность чеченских и татарских притязаний на полную самостоятельность и независимость от ставшего российским Центра.

Ворвавшееся в политический лексикон понятие «гражданская нация» (как средство и метод консолидации согражданства при абстрагировании от этнического как такового или его умаления) сразу же стало рассматриваться национальными активистами и политическими лидерами в республиках как отказ власти от сохранения коллективной культурной самобытности нерусских этносов, как реальная угроза ассимиляции и превращения населения Российской Федерации в «российский народ». Так, в период «взбунтовавшейся этничности» многозначное использование понятия «нация» поставило в тупик молодых реформаторов, полагавших, что национальный фактор априори не может стать препятствием к разделу собственности в рамках существенно сузившегося государственного пространства. Этнический национализм, выступивший грозным оружием в борьбе с «советским» Кремлем, теперь грозил резко ограничить доступ ставшего «российским» Кремля к ресурсам, значительная часть которых как раз располагалась в национальных анклавах.

Реформаторы никогда не скрывали, что для них национальные сюжеты ограничиваются всего лишь дележом ресурсов. Министр экономики в 1992–1993 гг. А. А. Нечаев (П. О. Авен уверял, что Нечаев был государственным «точно больше, чем я и Кох»¹³) считал, что единство России он сохранил «изыщным» решением: «Раньше татарские 28 млн. тонн нефти делились на 5 млн.

татарских тонн и 23 млн. союзных тонн, а теперь мы сговорились делить на 12 и 16. И всё. В этом и заключался весь «суверенитет», если отбросить все реверансы и демагогию». «Таким образом, – ёрничал бывший министр, – за 7 млн. тонн нефти ... мы сохранили единство России»¹⁴. Собственно, тем же методом («татарским вариантом») Нечаев предлагал решать вопрос с Чечней. Причем уверял, что «страна бы даже не заметила» этих «чеченских 3–4 млн. тонн»¹⁵. Национальная политика в полиэтничном государстве, таким образом, сводилась к разрешению споров вокруг прибыли от продажи ее ресурсов за рубеж между вновь возникшими российскими «федеральными» и национальными «республиканскими» элитами.

Конфликты с Татарстаном и Чечней все же принудили российское руководство частично пересмотреть старую советскую формулу «классы первичны, а нации вторичны» (в современном варианте эта дефиниция «звучала» как «собственность первична, а нации вторичны») и обратить внимание на сложность и драматизм национальных проблем в стране. Актуализация «проклятого национального вопроса» выразилась в институционализации национальной политики.

В СССР специального органа государственной власти, отвечающего за проведение национальной политики, в послевоенный период его развития не было. На излете перестройки в ЦК КПСС появился отдел по межнациональным отношениям, с 1988 г. деятельность нового Совета Национальностей Верховного Совета СССР, до того сводившаяся к дублированию деятельности Совета Союза, сосредоточилась на разрешении конфликтных ситуаций в межэтнических отношениях. Подобный орган был создан и в Верховном Совете РСФСР. Возглавил российский Совет Национальностей историк по образованию, доктор философских наук Р. Г. Абдулатипов, работавший короткое время консультантом Отдела национальных отношений ЦК КПСС. Заняв должность председателя Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР 13 июня 1990 г., руководил им вплоть до его разгона осенью 1993 г.

В марте 1990 г. был создан и Государственный комитет РСФСР по вопросам национальностей. Осуществлять практическое руководство этническими процессами в Россию поначалу были призваны представители партийной элиты. Первым председателем Госкомнаца стал бывший первый секретарь Бурятского обкома КПСС А. М. Беляков, с декабря 1990 г. – бывший первый секретарь Чебоксарского горкома КПСС и предсовмина Чувашской АССР Л. П. Прокопьев. Вероятно, изменившаяся политическая ситуация после распада СССР и резкое обострение положения в национальной сфере заставило Ельцина отказаться от услуг бывших партийных чиновников и обратиться к профессионалам.

5 марта 1992 г. председателем Государственного комитета РФ по национальной политике – ми-

нистром РФ стал выпускник истфака МГУ, доктор исторических наук В. А. Тишков, прошедший путь от декана истфака Магаданского госпединститута до директора Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. По всей видимости, позиция авторитетного ученого-министра, полагавшего, что большого бюджета и штата Госкомнацу не нужно, поскольку оно призвано решать «многие самостоятельные задачи, а также выполнять экспертные функции при решении государственных вопросов, затрагивающих проблемы сохранения этнокультурного многообразия и межэтнических отношений»¹⁶, Б. Н. Ельцина не устраивало. В январе 1994 г. министром был назначен выпускник юридического факультета МГУ С. М. Шахрай, имевший опыт написания кандидатской диссертации по федеративным отношениям, что не помешало ему стать вдохновителем epochального события – роспуска советской федерации. По словам М. С. Горбачева, именно С. М. Шахрай и Г. Э. Бурбулис уговаривали Б. Н. Ельцина распустить СССР: «Республики нам не нужны, они все равно к нам приползут, сто миллиардов, которые идут трансфертами, останутся в России»¹⁷. Именно Шахрай с Бурбулисом представляли российское руководство на переговорах с Татарстаном о разделе полномочий. С. М. Шахрай руководил российской делегацией на переговорах с Украиной о статусе Черноморского флота, являлся главой временной администрации в районе межнационального конфликта в Северной Осетии и Ингушетии в ноябре – декабре 1992 г., автором плана свержения Дудаева под прикрытием оппозиции.

С. М. Шахрай продолжал курировать национальную политику на посту вице-премьера и после того как оставил пост министра. В мае 1994 г. Министерство по делам национальностей и региональной политике возглавил Н. Д. Егоров, бывший глава администрации Краснодарского края, этническими проблемами никогда не занимавшийся, в конечном счете, признавший, что под его руководством «Миннац оказался не готовым к работе в кризисных ситуациях»¹⁸.

Неудачи в Чечне заставили Б. Н. Ельцина вновь обратиться к опыту управленцев, обладавших профессиональными знаниями в сфере теории и истории межнациональных отношений. Доктор исторических наук, профессор, бывший заведующий отделом ЦК по межнациональным отношениям В. А. Михайлов, возглавивший в 1995 г. Министерство РФ по делам национальностей и федеративным отношениям, являлся одним из тех руководителей государства, которые разрабатывали и осуществляли национальную политику во второй половине 1990-х гг. Поработав в июне 1998 г. – мае 1999 г. первым заместителем секретаря Совбеза РФ В. В. Путина, В. А. Михайлов занимал пост министра РФ по делам национальностей и региональной политике в правительстве С. В. Степашина в 1999 г., а с августа 1999 г. по 14 января 2000 г. был министром РФ по

делам федерации и национальностей в правительстве В. В. Путина. Твердый сторонник «переговорного» метода урегулирования чеченского конфликта, он поочередно возглавлял создаваемые комиссии по мирному урегулированию в Чеченской Республике, сыграл важную роль в разработке проекта договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами власти Российской Федерации и Чечни.

На наш взгляд, в разрешении «чеченского кризиса» главную роль сыграли кадровые решения Б. Н. Ельцина. Не случайно в сентябре 1996 г. советником Президента РФ по национальным вопросам являлся блестящий специалист в области этноконфликтологии, кандидат исторических наук Э. А. Паин, сменивший на этой должности Н. Д. Егорова. Именно Паин, выдвигавший план «одна Чечня – две системы», с марта 1996 г. руководил рабочей группой при Президенте РФ по завершению боевых действий и урегулированию ситуации в этой Республике.

Из трех советников Президента Э. А. Паин находился на этой должности дольше других, до февраля 1999 г. В июле 1991 г. – ноябре 1992 г. советником Президента по вопросам национальной политики являлась кандидат исторических наук Г. В. Старовойтова, активно ратовавшая за предоставление Нагорному Карабаху права на самоопределение, что, естественно, противоречило позиции руководства СССР и Азербайджана. Во время осетино-ингушского конфликта октября – ноября 1992 г. Старовойтова предлагала изменить границы между Северной Осетией и Ингушетией, выступала против введения чрезвычайного положения на территории этих национальных анклавов, за что и была отправлена Ельциным 4 ноября 1992 г. в отставку. Представляется, что Ельцина не устраивали взгляды либерального политика-ученого, считавшего русский народ «народом с искаженным, болезненным, извращенным этническим самосознанием» и полагавшего «не может быть свободным народ, угнетающий другие народы»¹⁹.

Впрочем, научные взгляды и концептуальные предпочтения руководителей национальной политики не являлись для Б. Н. Ельцина самым важным критерием кадрового отбора. Национальная политика определялась в 1990-е гг. сугубо прагматичными соображениями, зачастую политическими сиюминутными задачами. Об этом красноречиво свидетельствует факт назначения в 1994 г. на должность заместителя Председателя Правительства РФ по национальным вопросам, вопросам развития Федерации и местного самоуправления, а затем, в сентябре 1998 г. – мае 1999 г. министром национальной политики РФ Р. Г. Абдулатипова, по мнению В. А. Тишкова, «яркого российского политика, но слабого ученого», постоянно напоминающего об «опасных для страны и для ее народов заблуждениях» самого Тишкова и его «призывах «забыть нации»²⁰. Сам же Р. Г. Абду-

лагипов сожалел, что многие государственные структуры, созданные в Российском государстве в ходе ее постсоветской трансформации, в значительной степени носят формальный характер и таковым считал Государственный комитет по делам национальностей²¹. Напротив, министр региональной и национальной политики РФ в правительстве С. В. Кириенко (8 мая – 22 сентября 1998 г.) доктор экономических наук, профессор, зав. Пермским отделом Института экономики Уральского отделения АН СССР Е. С. Сапиро, известный своим твердым убеждением в том, что Россия должна быть поделена на губернии, отозвавшийся в 1994 г. свою подпись под договором об общественном согласии в знак протеста против предоставления широких экономических прав Татарстану и Башкортостану, считал, что Миннац по своей специфике ближе к МИДУ, поэтому сотрудники Миннаца должны быть дипломатами.

Национальная проблематика в 1990-е гг. оказалась в центре внимания и законодательной ветви власти. Первым председателем Комитета Госдумы первого созыва по делам национальностей стал дипломированный учитель истории, кандидат политических наук Б. Б. Жамсуев, а соответствующую должность в Госдуме второго созыва (1995–1999 гг.) – В. Ю. Зорин, защитивший в 2000 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Национальный вопрос в III Государственной Думе России 1907–1912 гг.». Первым председателем Комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками (1993–1995 гг.) был К. Ф. Загулин, закончивший истфак МГУ, в 1996 г. создавший и возглавивший Институт диаспоры и интеграции, более известный как Институт стран СНГ.

Следует заключить, что в 1990-е гг., столкнувшись с непонятной и непредсказуемой «бунтующей этничностью», власть предпочла обратиться к помощи профессиональной научной экспертизы. Спор В. А. Тишкова, проповедовавшего идею «российской нации» и настоявшего на отмене графы «национальность» в паспортах, и Р. Г. Абдулатипова, которого Валерий Александрович называл «главным радетелем вечности и святости наций», не помешал ученым-политикам не только аргументированно, изобретательно и упорно отстаивать курс на мирное разрешение межэтнических конфликтов, но и признать целесообразность строительства асимметричной федерации как главного средства спасения России от повторения судьбы СССР.

Следует отметить заслуги историков-политиков как в разрешении межэтнических конфликтов, так и разработке новых подходов в государственно-национальном строительстве. Так, в 1990-е гг. историки возглавили и ряд национальных движений за самоопределение и государственную независимость: доктор исторических наук, профессор Л. А. Чибиров в 1993–1996 гг. возглавлял Верховный Совет, а в 1996–2001 гг. являлся Президентом

Республики Южная Осетия, а первый заместитель Председателя Верховного Совета Южной Осетии с 1989 по 1992 г. А. Р. Чочиев в 1998 г. в Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН защитил докторскую диссертацию по теме «Социальная история осетин в догосударственный период». Председателем Верховного Совета Абхазской ССР с 1990 г., президентом Абхазии с 1994 по 2004 г. был доктор исторических наук, известный исследователь хеттской культуры В. Г. Ардзинба. Среди авторов татарской модели суверенитета можно выделить доктора исторических наук, декана истфака КГУ И. Р. Тагирова, директора созданного в 1996 г. Института истории имени Марджани Академии наук Республики Татарстан, доктора исторических наук Р. С. Хакимова.

Главное противоречие внутреннего строения советской федерации заключалось в строго выстроенной и неукоснительно соблюдаемой иерархии национально-государственных образований: союзные республики имели больше прав, нежели автономные, которые, в свою очередь, обладали существенными приоритетами и преимуществами перед автономными областями и округами. Этнотипы, соответственно, были выстроены в столь же последовательно «неравном» порядке. Русский этнос в этой иерархии занимал специфическое место, определяемое им самим как «неравноправное», всеми остальными этносами расцениваемое как «метропольно-приоритетное» в советской империи. Следует признать, что данное противоречие не только не было устранено в первое десятилетие после обретения Россией «независимости», но и закреплено в форме «асимметричной федерации», в которой разные ее части стали обладать своим собственным арсеналом прав и обязанностей по отношению друг к другу, а также и прежде всего к федеральному Центру. Степень независимости Республики Татарстана и Чеченской республики в 1990-е гг. многократно превосходила прежний статус и положение союзных республик в бывшем СССР, а нефтяные ресурсы позволяли сократить зависимость от Москвы в большей степени, чем это могли сделать некоторые члены СНГ.

15 июня 1996 г. Президент России утвердил «Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации», в основу которой были положены 5 приоритетных направлений: развитие федеративных отношений, обеспечивающих гармоничное сочетание субъектов РФ и целостности Российского государства; развитие национальных культур и языков народов России, укрепление духовной общности россиян; обеспечение политической и правовой защищенности малочисленных народов и национальных меньшинств; достижение и поддержка стабильного, прочного межнационального мира и согласия на Северном Кавказе; поддержка соотечественников, проживающих в странах СНГ и Балтии. Следует признать, что сама Концепция не стала действенным ориентиром для органов государственной власти в решении этно-

политических проблем. Этот документ носил в основном констатирующий характер и не являлся превентивной и целостной, предвидящей и предусматривающей решение сложных этнополитических задач программой. В нем не нашел отражение вопрос о будущем этносов. Не давал ответа на данный вопрос, на наш взгляд, и наиболее важный из всех принятых в исследуемой сфере в 1990-е гг. федеральный закон от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии». По сути данный Закон закреплял старую советскую формулу: «Большим народам – республики, малым – культурную автономию». Российское законодательство продолжало сложившуюся во времена СССР традицию защиты интересов малочисленных народов Севера. В 1996 г. был принят Закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера», в 1998 г. Российская Федерация ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, подписанную 1 февраля 1995 г. Советом Европы, в 1999 г. вступил в силу федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», а в 2000 г. – Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Характерным признаком национальной политики 1990-х гг. стала реализация ряда федеральных целевых программ, направленных на осуществление государственной поддержки культурного возрождения и развития отдельных народов России: «Развитие социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997–2006 годы», «Социально-экономическое развитие республики Калмыкия и национально-культурное возрождение калмыцкого народа на 1997–2002 годы». В мае 1999 г. был принят Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Соотечественниками признавались лица, родившиеся в одном государстве, проживавшие в нем и обладавшие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев. Языковую сферу регулировал Закон РСФСР «О языках народов Российской Федерации» (действовал с октября 1991 г. как закон РСФСР, название было изменено в 1998 г.), позволивший всем республикам (кроме Карелии) установить свои дополнительные государственные языки.

Представляется, что законодательство в сфере национальной политики наиболее точно отражает ее приоритеты, сложившиеся после распада СССР в 1990-е гг.: задача укрепления национальной идентичности превалировала и рассматривалась как более важная, нежели формирование гражданской идентичности – «российской нации». Не случайно на организованной Правительством и Федеральным Собранием в мае 1994 г. конференции «Федерализм и межнациональные отношения в современной России» (более известной под названием «Сенежский форум») основной доклад,

который делал заместитель Председателя Совета Федерации Р. Г. Абдулатипов, отражал данную тенденцию своим названием – «Россия: национальное возрождение и межнациональное сотрудничество: приоритеты национальной политики»²². Именно в этом докладе и было сформулировано основное кредо национальной политики России в 1990-е гг.: «Надо исходить из многообразия, поливариантности решения национальных вопросов в разных регионах, с разным национальным составом. К примеру, в имперской России имела место политика особых подходов, например, к Финляндии, Польше, в чем-то к северянам, украинцам, среднеазиатским ханствам, вплоть до предоставления особых прав и статуса ряду национальных образований»²³. На наш взгляд, на Сенежском форуме окончательно утвердился «этнический принцип нашего федеративного устройства»²⁴, а понимание федерации как «территориальной формы демократии» было квалифицировано как «американский подход, который ориентирует Россию на мнимофедеративные отношения»²⁵. «Большевицкий» подход возобладал и по вопросу о «Русской республике», вариант ее образования был назван «верхом лжепатриотической глупости»²⁶.

На наш взгляд, при внешней хаотичности становления правового поля и несбалансированности законов в России 1990-х гг. превалирующая идея «национального возрождения», которую так активно проповедовали местные национальные элиты, была хорошо продуманным и просчитанным средством перераспределения власти и собственности в «новой России». В сложившейся ситуации Федеративный договор и, прежде всего, договоры о разграничении полномочий между Центром и республиками, в частности Договор между Татарстаном и Российской Федерацией, безусловно, нарушавшие принцип равноправия субъектов федерации, являлись одновременно оптимальным вариантом торможения и остановки процесса дезинтеграции российского государственного пространства. «Договорный процесс нейтрализует вызовы, поддерживает баланс децентрализации и централизации государственной власти на необходимом для стабильности и устойчивости уровне»²⁷. Возникающее при этом неравенство может быть оправдано и «теоретически»: «С точки зрения теории федерализма отдельные договоры центра с субъектами не являются аномалией, от чего нужно избавляться, напротив, если они оправданы по существу, то становятся стабилизирующим фактором, если даже создают элементы асимметрии»²⁸.

Представляется, что «чеченский» вариант «национального возрождения», в силу различных причин «превратившийся» в трагедию для Российского государства и чеченского этноса, изначально преследовал те же цели, что и «татарская» модель – перераспределение власти в государстве в его новой форме под названием «асимметричная федерация». Заменив собой советскую «иерархическую федерацию», такая форма взаимоотношений Цен-

тра и субъектов федерации многократно усиливала неравенство между этносами и «ставила» их жизнеобеспечение не только в зависимость от уровня национального самоопределения, но и от способности и умения национальных элит договориться о своих собственных предпочтениях с Центром. Собственно, в этом и состояла специфика системы межэтнических отношений в России 1990-х гг.

Примечания

- 1 См.: Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1985–1991 годы) : от кризиса межэтнического доверия к распаду единого государства. Саратов : Саратовский источник, 2018 ; *Он же*. Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 годы) : от общей Победы к кризису межэтнического доверия. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2017 ; *Он же*. Власть и национальный вопрос в новейшей истории России. XX – начало XXI века. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015 ; *Он же*. Власть и национальный вопрос : Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004 и др. О взглядах автора см.: Вдовин А. И. Рецензия на книгу : Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 гг.) : от общей Победы к кризису межэтнического доверия. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2017. 196 с. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 129–131.
- 2 «Круглый стол», приуроченный к 20-летию подписания Договора Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти Республики Татарстан» 14 февраля 2014 года. Стенографический отчет. Казань : Госсовет Республики Татарстан, 2014. С. 35.
- 3 Там же. С. 35.
- 4 Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1985–1991 годы) : от кризиса межэтнического доверия к распаду единого государства. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 185.
- 5 Мякшев А. П. Власть и национальный вопрос : Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 344.
- 6 См.: Лебедева Н. М. Новая русская диаспора : Социально-психологический анализ. М. : ИЭА, 1995 ; Солдатов Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998.
- 7 Маркедонов С. Постсоветское пространство : прощание с дефиницией? // Эволюция постсоветского пространства : прошлое, настоящее, будущее : хрестоматия. М. : НП РСМД, 2017. С. 379.
- 8 См.: Сикевич З. В. Этносоциология : национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. С. 103.
- 9 Каганский В. Л. Советское пространство : конструкция и деструкция. М. : Аргус, 1995. С. 27.
- 10 Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. С. 238.
- 11 Вдовин А. И. Указ. соч.
- 12 Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. С. 238.
- 13 Нечаев А. «Неприлично во всех грехах обвинять прежнюю власть» // Авен П. Революция Гайдара : История реформ 90-х из первых рук. М. : АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. С. 144.
- 14 Там же. С. 160.
- 15 Там же. С. 161.
- 16 Цит. по: Зенькович Н. А. Национальная политика : творцы и исполнители. М. : ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 479.
- 17 Цит. по: Там же. С. 539.
- 18 Цит. по: Там же. С. 145.
- 19 Цит. по: Там же. С. 462.
- 20 Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. С. 238.
- 21 См.: Абдулатипов Р. Г. Парадоксы суверенитета : Перспективы человека, нации, государства. М. : Славянский диалог, 1995. С. 75.
- 22 Абдулатипов Р. Г. Россия : национальное возрождение и межнациональное сотрудничество : приоритеты национальной политики. М. : Известия, 1994. 47 с.
- 23 Там же. С. 44.
- 24 Там же. С. 11.
- 25 Там же. С. 12.
- 26 Там же. С. 12.
- 27 Аринин А. Н., Губогло М. Н. Федерализм власти и власть федерализма. М. : ТОО «ИнтелТех», 1997. С. 42.
- 28 Хакимов Р. С. Российский федерализм в условиях социально-политической трансформации. Казань : Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2009. С. 129.

Образец для цитирования:

Мякшев А. П. Распад СССР и создание новой системы межэтнических отношений в Российской Федерации в 1990-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 27–33. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-27-33>

Cite this article as:

Myakshov A. P. The Collapse of the USSR and the Creation of a New System of Interethnic Relations in the Russian Federation in the 1990s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser: History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 27–33 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-27-33>